

Глава третья

Песнь о набегающих волнах

Десять дней пролетели незаметно.

В ту ночь разверзлись хляби небесные. Грозовые раскаты, сотрясая тучи, гремели один за другим, точно выкрикивая слова древней, несправедливой обиды.

Однако в старом поместье Юй царил покой. Лишь в водосточном желобе, собиравшем воду с крыш над внутренним двориком, умиротворяюще звенели капли: динь-дон, динь-дон...

В спальне дрожало пламя масляного светильника. Порыв ветра, ворвавшийся в окно, подхватил листы рисовой бумаги, и те белыми птицами разлетелись по полу.

— Скрип... — Ян Ихай вовремя захлопнул створки. Присев, он принялся собирать разбросанные листы.

— Хватит уже писать, время — третий страж. Гляди, какой ливень. Завтра река точно разольётся, на ярмарку всё равно не попадёшь. Лучше ложись-ка спать.

— Никак нельзя, — Юй Чуцю даже не шелохнулся. Он проигнорировал растрёпанные ветром волосы и, уверенно держа кисть тонким запястьем, продолжал усердно выводить иероглиф за иероглифом.

— Я обещал дедушке Сюю, что живёт на том берегу, переписать для него «Даодэцзин». Завтра крайний срок. Последние дни был занят и совсем об этом забыл. А Учитель наставлял: человек без верности слову не может стоять на ногах. Я обязан закончить сегодня.

— Ох, ну всё-всё-всё, ясно с тобой, — Ян Ихай всякий раз хватался за голову, стоило Юй Чуцю пуститься в цитирование классиков. Понимая, что упрямого книжника не переспорить, он уселся рядом и принялся помогать, аккуратно расправляя бумагу.

— Ого! А почерк-то у тебя какой каллиграфический! И сколько дедушка Сюй тебе заплатит за это? — Ян Ихай вдруг обнаружил в своём товарище новый талант.

Услышав вопрос, Юй Чуцю слегка нахмурился. Отложив кисть, он заговорил нравоучительным тоном:

— Для меня это лишь пустячная услуга, о которой и упоминать-то не стоит. Как я могу брать за это деньги? Учитель говорил...

— Молчу-молчу! Всё я понял, всё осознал. Пиши дальше, не буду мешать.

Ян Ихай придавил бумагу прессом и чуть ли не бегом бросился вон из комнаты, бормоча под нос:

— Вечно у него «Учитель сказал», «Учитель наставлял»... Будто он с этим Конфуцием в соседних домах жил. То ли книжный червь в человеческом обличье, то ли старый оборотень. Хм, оборотень? А ведь похоже. Одна бородка чего стоит... Хи-хи-хи...

Поглаживая подбородок, Ян Ихай шёл по коридору, довольно ухмыляясь собственной остроте. Но в самый разгар злорадства...

— Тук-тук-тук! — в ворота неистово забарабанили.

— Ой! Ух... Напугали до смерти. Это всего лишь дверь, а я-то думал — старик Юй.

Ян Ихай прижал руку к груди, с облегчением переводя дух.

— И что же вы обо мне думали? — раздался за его спиной голос, сочащийся ледяным гневом.

Холодный пот мгновенно прошиб бедолагу. «Спокойно, только спокойно... Обращиваемся...»

— А-а-а-а! Клянусь! Честное слово, я не говорил про тебя гадостей за спиной!

— С дороги.

— Умоляю, поверь мне! Небо — свидетель, моё восхищение тобой подобно водам Янцзы, оно вечно и бесконечно!

— Я хочу открыть дверь! — Юй Чуцю заметно помрачнел.

Ян Ихай понял — дело пахнет керосином. Не теряя ни секунды, он бросился к Юю и буквально повис на нём, заходясь в рыданиях:

— У-у-у... Пожалуйста, не выгоняй меня! Мне некуда идти, у меня нет ни гроша! Если хочешь прогнать, дождись хотя бы утра... Посмотри на меня — я же красавец, каких свет не видывал, цветы вянут от зависти при моём появлении! А на улице ночь, гроза... Меня же первый встречный сожрёт и не подавится! Не хочу-у-у! Не пойду-у-у!

Юй Чуцю раздражённо поморщился.

— Я просто хотел посмотреть, кто там стучит, — прорычал он сквозь зубы. — С чего ты взял, что тебя кто-то выгоняет?!

—...

— Теперь я могу идти?

— Иди.

— Тогда слезай с меня немедленно!! — И у святых кончается терпение.

— Да-да, сейчас, уже слез. Я... я сам открою.

Весь пунцовый, Ян Ихай припустил к воротам. Стук становился всё громче и настойчивее.

— Иду! Кого там принесло среди ночи...

Скрипнули створки, залитые дождём, и Ян Ихай встретился взглядом с женщиной.

За порогом стояла женщина. Мокрая до нитки, в потрёпанном платье служанки, она смотрела на него с тревогой и надеждой, силясь изобразить некое подобие улыбки. Правой рукой она крепко сжимала ладонь мальчишки, такого же перепачканного грязью.

— Подскажите, господин Юй...

— Его нет!!

Не дослушав, Ян Ихай со злостью захлопнул дверь, скрежеща зубами от ярости.

— Кто это? — подошедший Юй Чуцю с недоумением посмотрел на рассерженного товарища.

— Ошиблись дверью! Нечего открывать! — Ян Ихай преградил путь, прижавшись спиной к воротам.

— Бум-бум-бум! Господин Юй, откройте, пожалуйста!

— Видишь? Не ошиблись, меня зовут, — удивился Юй Чуцю. — Только голос незнакомый... Кто бы это мог быть?

Любопытство взяло верх, и он снова потянулся к засову.

— Ха! Какой же ты лицемер! — Ян Ихай больше не мог сдерживаться. — Творишь непотребства, а потом делаешь вид, что не помнишь! Вон, уже с детьми к тебе приходят! И долго ещё будешь ломать комедию?!

Выпалив это, он в сердцах бросился в главный зал, оставив Юй Чуцю в полном ошарашивании.

Две минуты спустя Ян Ихай, закинув ногу на ногу, с недовольной миной сверлил взглядом незваных гостей, с которых в три ручья стекала вода.

Юй Чуцю принёс чистое полотенце и вежливо протянул его девушке:

— Сначала оботритесь, вы совсем вымокли.

— Благодарю.

Когда девушка вытерла лицо, стало ясно, что она совсем молода — едва вошла в пору кардамона. Мальчик рядом с ней был младше всего на пару лет. На мать и сына они явно не тянули, зато семейное сходство было налицо: похоже, брат и сестра.

Ян Ихай понял, что погорячился и зря обвинил Юя в тайных грехах. Чувствуя укол совести, он начал украдкой поглядывать на хозяина дома.

Но Юй Чуцю даже не смотрел в его сторону. Он терпеливо ждал, пока дети вытрутся, сочувственно разглядывая их.

— Откуда вы держите путь? — мягко спросил он.

Вопрос подействовал как удар. Девушка вдруг рухнула на колени и разрыдалась:

— Мы — дети Су Аосюэ, губернатора Ханчжоу. Мой отец всю жизнь служил честно и пёкся о народе, но разгневал влиятельных сановников. Его оклеветали, и весь наш род приговорили к истреблению. Нам с братом едва удалось спастись. Матушка перед смертью успела сказать, что семья Юй из Цзяннани — наши дальние родственники... Вот мы и... пришли искать приюта...

Девушка зашлась в рыданиях. Мальчик молча опустился рядом, крепко сжав её руку.

Юй Чуцю, заложив руки за спину, на мгновение задумался. Вскоре его лицо прояснилось, и он присел, собираясь поднять детей с колен...

— Хлоп! — чья-то ладонь преградила ему путь. Юй Чуцю оттащили на несколько шагов назад и буквально вжали в стул. Ян Ихай с подозрением воззрился на гостей.

— Складно звонишь! Прямо как по писаному! Не думай, что в этом доме живут одни дураки!

«Хм! Я сам так сюда попал, — подумал Ян. — Нашла кого учить, зелёная ещё!»

Чем больше он смотрел на эту парочку, тем меньше они ему нравились. Десять лет жизни сяогуаня научили его видеть людей насквозь, и чутьё подсказывало: от этих двоих жди беды.

Юй Чуцю не выдержал. Игнорируя протесты Яна, он подошёл к мальчику, помог ему встать и жестом велел поднять сестру.

— Присядьте. Раз мы родственники, я обязан помочь, — спокойно произнёс он.

— Спасибо, — мальчик уставился на козлиную бородку Юя, пытаясь угадать его возраст и не зная, как к нему обращаться.

Ян Ихай окончательно вышел из себя. Вклинившись между ними, он в ярости закричал:

— Ты что, святоша из легенд?! Зачем тащишь всякое отродье в дом?!

— Как ты разговариваешь? — Юй Чуцю нахмурился. Было видно, что он по-настоящему рассержен.

— Да мне-то что! — Ян Ихай ткнул пальцем в сторону детей. — Сразу видно: если не разбойники, так попрошайки! Сочинили историю, а ты и уши развесил! Ждешь, пока они всё из дома вынесут?

— В моём доме нет ценностей. Только пустые стены. Кому охота — пусть выносят, если сил хватит!

— Ладно, ладно, не буду спорить о вещах, — Ян Ихай чувствовал, что заходит в тупик. — Но даже если они не врут, они же — государственные преступники в розыске! Ты хоть понимаешь, что рискуешь головой, укрывая их?!

— Учитель наставлял: о героях не судят по их происхождению. Я приютил тебя, приучу и их.

Голос Юй Чуцю был негромким, но в нём звучала такая непреклонная сталь, что спорить было бесполезно. Ян Ихай замер, долго вглядываясь в его глаза, глубокие и ясные, точно осенняя вода... и вдруг рассмеялся.

— Ну и пусть. Твой дом — твои правила. Я умываю руки.

— Извините... — робко подала голос девушка, заметив, что буря утихла.

— Чего тебе ещё, баба несносная?! — Ян Ихай одарил её леденящим взглядом.

— У-у-у... — она снова захлюпала носом.

— Опять за своё, — Юй Чуцю улыбнулся и мягко обратился к гостье: — Не обращай на него внимания. Что ты хотела сказать?

— Там... там ещё мой старший брат... Он остался за воротами...

— Что же ты молчала?! Там же ливень стеной. Ихай, сходи, приведи его.

— С какой стати я-то?! — взвился было Ян. — Ох, ладно-ладно, иду уже.

Бормоча ругательства, Ян Ихай взял бумажный зонт и вышел за ворота. Но стоило ему оказаться снаружи, как раздался его истошный крик:

— А-а-а-а!! Это... это что ещё за явление бодхисаттвы?!

— Что случилось? — Юй Чуцю выбежал на крик и увидел, как Ян Ихай, скорчив гримасу, тычет пальцем в сторону стены.

Юй проследил за его жестом. Там, под стеной, прямо под проливным дождём, возвышалась гора человеческой плоти весом никак не меньше трёх сотен цзиней. Здоровенный, необъятный детина стоял неподвижно, точно каменное изваяние.